

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.009

УДК 94(470)»19»:374.7

ББК 63.3(2)532-414.13

Ю.В. ИВАНИШКИНА,
М.Д. ТРУХИН**ОТСТАВКА Д.А. КЛЕМЕНЦА:
СУДЬБА СТАРОГО НАРОДНИКА
В ПЕРЕПЛЕТЕНИИ ЛИЧНОЙ ДРАММЫ
И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНТРИГ**Y.V. IVANISHKINA,
M.D. TRUKHIN**RESIGNATION OF D.A. KLEMENC:
THE FATE OF AN OLD POPULIST AMIDST
PERSONAL DRAMA AND ADMINISTRATIVE
INTRIGUES**

В статье представлены результаты исследования отставки с должности хранителя Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III Д.А. Клеменца в период 1909–1910 гг. Этот процесс сопровождался чередой закулисных интриг в научном и номенклатурном мире России и был связан с упорной борьбой близких друзей учёного за его благополучие. Проведённое исследование базируется на опубликованных и неопубликованных источниках, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Прежде всего, это эпистолярное наследие Клеменца и его близких, хранящееся в фондах ведущих российских архивных учреждений. Авторы статьи отмечают, что данное исследование освещает исторический контекст начала XX в., показывая, как личные трагедии и социально-политические процессы влияли не только на судьбу Клеменца, но и на других известных российских научных и культурных деятелей, имевших революционное прошлое. Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, направленной на изучение истории России начала XX в., а также в процессе преподавания дисциплина «История России XX в.».

The article presents the results of a study on the resignation of D.A. Clements from his position as the keeper of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III during 1909–1910. This process was accompanied by a series of behind-the-scenes intrigues in the scientific and bureaucratic circles of Russia and was connected to the persistent efforts of the scientist's close friends to safeguard his well-being. The research is based on published and unpublished sources, most of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. Primarily, these include the epistolary legacy of Clements and his close associates, stored in the archives of leading Russian institutions. The authors note that this study sheds light on the historical context of the early 20th century, illustrating how personal tragedies and socio-political processes influenced not only Clements fate but also that of other prominent Russian scientific and cultural figures with revolutionary backgrounds. The research materials can be used in future scholarly activities aimed at studying the history of Russia in the early 20th century, as well as in the process of teaching the discipline «History of Russia in the 20th Century».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отставка, пенсия, социалисты-революционеры, русское зарубежье, этнография.

KEY WORDS: resignation, retirement, socialist-revolutionaries, Russian emigre community, ethnography.

ВВЕДЕНИЕ. Изучение событий российской истории начала XX в. остается одной из востребованных тем в исследованиях, где центральное место традиционно занимают выдающиеся

политические и научно-культурные деятели. Эти изыскания, как правило, отражают параллельную историю различных политических организаций, государственных структур, культурных и научных учреждений, с которыми были связаны судьбы этих деятелей. Одним из таких ярких примеров является биография Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914) — участника революционного движения, старого народника, ставшего в последствии выдающимся учёным этнографом. Родившийся в 1848 г. в деревне Горяиновке Саратовской губернии в семье управляющего имением юный Дмитрий Клеменц получил раннее образование в Саратовской и Казанской гимназии. Далее продолжил обучение на математическом факультете Казанского университета, а после переезда в 1869 г. в столицу на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. В скором времени с учёба стала чередоваться с революционной деятельностью подтолкнувшая Клеменца оставить университет. В 70-е гг. Клеменц принял участие в знаменитом кружке «чайковцев», занимался публицистикой в различных нелегальных изданиях, несколько раз был вынужден эмигрировать в Европу, но вновь возвращался в Россию. Жизнь и судьба революционеров-народников в это время редко проходила мимо арестов и ссылок. Не избежал наказания и Клеменц. В 1879 г. он был арестован и в 1881 г. административно выслан в Якутию. Отбывая ссылку в Минусинске, он вновь возвратился к науке выступив организатором нескольких крупных этнографических экспедиций в Сибирь и Монголию. Здесь же в 1886 г. он был помолвлен, а затем и обручён с Елизаветой Николаевной Зверевой — дочерью разорившегося золотопромышленника, работавшей учительницей в гимназии Минусинска. Все последующие годы жизни вплоть до кончины супруги оставались всегда рядом. В 1897 г. после переезда супругов в Санкт-Петербург Клеменц продолжил заниматься этнографией. Пиком его научной карьеры стало назначение в 1902 г. на должность хранителя Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III на которой он оставался до 1910 г.

Отставка стала, пожалуй, самым драматичным эпизодом жизни Дмитрия Александровича, история которой носит трагический характер, отражая переплетение личных испытаний, административных интриг поводом для которых являлось его революционное прошлое. Актуальность такого исследования обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, оно освещает исторический контекст начала XX в., показывая, как личные драмы и социально-политические тенденции влияли не только на судьбу Клеменца, но и других видных российских научно-культурных деятелей, имевших за своей спиной революционное прошлое. Во-вторых, исследование раскрывает особенность взаимоотношений представителей научного сообщества с оппозиционными деятелями того времени, что улучшает понимание сложности политической действительности России начала XX в. В-третьих, история отставки демонстрирует не только пересечение личных и административных факторов, но и иллюстрирует нам особенности повседневной жизни России и эмиграции в начале прошлого века. Всё это продолжает быть актуальным для современных читателей, интересующихся историческим развитием науки и культуры.

ЦЕЛЬ исследования заключается в исторической реконструкции последних этапов жизни Клеменца и отставки с должности заведующего этнографической секцией Русского музея на фоне его взаимоотношений с друзьями, коллегами и семьёй.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В работе проанализированы архивные документы, в т.ч. ранее не опубликованные и хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Архива Российской академии наук для выявления биографических сведений о Д.А. Клеменце и др. лицах с ним связанным. Были использованы ретроспективный и биографический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Сегодня ключевые вехи биографии Клеменца довольно хорошо отражены в отечественной исторической литературе разного периода времени. Несмотря на то, что в советский период изучение российского

народничества всегда проходило сквозь призму, критики исследователи не могли не соглашаться с мнением о том, что научная и общественная деятельность Клеменца стала крупным вкладом в отечественную историю. Наиболее серьёзными работами стала монография 1986 г. советского историка С.И. Гольдфарба, затем и чуть позже вышедшая в 1988 г. работа В.И. Фёдоровой [7; 15]. В современной российской исторической науке наблюдается закономерный переход от изучения широких общеисторических событий к более фрагментарным исследованиям. Этот сдвиг обусловлен стремлением историков к детальному анализу отдельных явлений, личностей и процессов, которые часто теряются в обобщённых нарративах. Такой подход позволяет глубже понять конкретные аспекты прошлого и раскрыть их многообразие. Особенно это заметно на примере российского народничества, где всё больше внимания уделяется локальным движениям, биографиям ключевых фигур и идеологическим разногласиям внутри движения. В результате фрагментарные исследования обогащают общую картину, предлагая более точное и нюансированное понимание исторических событий, включая социокультурные процессы в России XX в. Так, изданная в 2017 г. монография российских историков О.А. Милевского и А.Б. Панченко «Беспокойный Клеменц: Опыт интеллектуальной биографии» на сегодня является, пожалуй, наиболее полным научным сочинением, охватывающим все ключевые этапы жизни этого человека. Используя широкий спектр различных источников, авторы смогли осуществить свою главную цель — реконструировать общественно-политическую атмосферу эпохи своего героя и определить ключевые стимулы его личностной эволюции [10, с. 24–25]. Эта работа уверенно выходит за пределы классической биографии, приобретая характер глубокого исследования, которое ставит в центр внимания интеллектуальное наследие Клеменца — его выдающиеся научные открытия и значимые общественно-политические свершения. Однако это не устраняет потребность в дальнейшем изучении жизни Клеменца, так как объём его исторического наследия всё ещё не исчерпан. В частности, одним из таких переломных эпизодов стала отставка Клеменца в 1910 г. с должности заведующего этнографической секции Русского музея.

В своём исследовании Милевский и Панченко рассмотрели этот сюжет через историографический анализ. Сопоставляя советскую и современную российскую историографию, они выделили две основные точки зрения на ключевой мотив, побудивший Клеменца к отставке. При этом авторы обратили внимание, что в центре внимания историков, как правило, фигурировала личность видного этнографа, антрополога и общественного деятеля Николая Михайловича Могиланского, преемника Клеменца на должности заведующего этнографической секцией Русского музея. Советская историография преимущественно видела в Могиланском типичного представителя царской номенклатуры, являвшегося не только научным, но и идейным антиподом Клеменца. Отставка стала закономерным итогом закулисных интриг, организованных консервативной группой сотрудников музея во главе с Могиланским при поддержке влиятельных фигур из управления императорского двора. В современных условиях, свободных от идеологического содержания, российские историки смогли переосмыслить события и сделать вывод о том, что отрицательная роль Могиланского была искусственно преувеличена. Подводя итог своего историографического анализа Милевский и Панченко пришли к оправданному предположению о том, что первопричиной отставки стало плохое состояние здоровья Клеменца, а его политические воззрения выступили лишь как «катализатор» [10, с. 657]. Однако это не дало окончательного ответа на вопрос, поскольку истинные причины отставки и лица, непосредственно на неё повлиявшие, всё ещё требуют дальнейшего изучения.

Выход на решение этой проблемы стал возможен благодаря исследованию эпистолярного наследия ближнего круга общения Клеменца и, в первую очередь, старого народника Егора Егоровича Лазарева, дружба с которым уходит корнями ещё в период их революционной юности, сопряжённой с такими событиями, как «хождение в народ», «процесс 193-х»,

сибирская ссылка и др. К началу XX в. отношения Клеменца и Лазарева переросли в дружбу между их семьями. В 1895 г. Лазарев на молочной ферме своей жены Юлии Александровны Лакиер в швейцарской деревне Божии организовал небольшой пансион и кефирный санаторий, который в скором времени стал неформальным политическим центром русского зарубежья в Швейцарии. Одним из частых гостей дома Лазаревых, в том числе, становился Клеменц. Находясь на ферме, он совмещал отдых, лечение и научно-интеллектуальную деятельность. В свою очередь, во время своего приезда в Петербург в 1906–1907 гг. Лазарев первое время жил в доме Клеменца, находя в нём уют и безопасность, так как вопрос его легализации в столице оставался открытым. Истинно дружеское отношение Клеменца видно из письма, отправленного Лазаревым в это время к жене в Швейцарию, где он пишет: «Приехал я без вещей, обносился. Дмитрий уже переделал меня» [8, с. 196]. Примечательно, что такой дружеский обмен личными вещами у друзей происходил и раньше, так, ещё в 1903 г., в письме, написанном Клеменцем к Лазареву, он с иронией признавался в том, что по рассеянности уехал из его дома во Францию в плаще-крылатке гостеприимного хозяина [2, л. 5]. В круг близких друзей и знакомых Клеменца входили и другие постоянные божийские обыватели и, в первую очередь, соратник по революционному направлению — Александр Христофорович Христофоров. Ещё одним важным лицом стала поселившаяся в 1907 г. недалеко от Лазаревых их близкая подруга Ольга Катоновна Фонова. О большом влиянии этой женщины на семейство Клеменц говорит письмо Лазарева к своей супруге за 1910 г. [14, с. 38]. Более того, именно на ферме Лазарева развернулись главные «заграничные» события, связанные с отставкой.

В начале лета 1909 г. Лазарев вновь приезжает в Санкт-Петербург из Швейцарии, чтобы остаться в нём уже на более длительное время. Причины его возвращения кроются в целом ряде обстоятельств, среди которых трудно выделить главное. Таковыми могли одновременно стать события, связанные с кризисом партии социалистов-революционеров (эсеров), членом которой он являлся с момента её создания. Пережив поражение Первой российской революции, партия эсеров оказалась в чрезвычайно сложном положении, выразившемся в потере целого ряда своих видных членов, арестованных правительством. Многие из них, как, например, Е.К. Брешко-Брешковская, О.С. Минор, А.В. Милошевский и др., находились под следствием и нуждались в поддержке. Не менее ощутимый удар нанесла серия громких разоблачений тайных сотрудников полиции в верхах левой российской оппозиции. В таких условиях партии было необходимо присутствие своего авторитетного представителя в России. Нельзя сбрасывать со счетов и личные мотивы Лазарева, которые оказались напрямую связаны с кризисом в его семейной жизни, выразившимся в утрате взаимопонимания с супругой. Удачным выходом из этого положения стало приглашение на работу в редакцию известного столичного научно-популярного журнала «Вестник знания». Несмотря на это, Лазарев оставался в постоянной переписке со всеми близкими к нему эмигрантами. Это объяснялось не только личной привязанностью, но и конкретной практической задачей в виде сбора различных сведений для передачи их за рубеж. И всё же отметим, что основной информационный поток приходился на имя Юлии Лакиер, так как именно она в его отсутствие поддерживала работу Божийского центра.

В 1909 г. здоровье Клеменца стало заметно ухудшаться, что проявилось в прогрессирующей сердечной аритмии. Это вынудило семейную чету выехать на лечение в Германию. Однако, не добившись желаемого результата, Клеменц с женой Елизаветой Николаевной (Зверевой) и двумя приёмными детьми (племянниками) Григорием и Марией приехали на ферму Лазарева. Так как сам хозяин фермы уже находился в Санкт-Петербурге, вся забота о гостях легла на плечи его супруги. Зная о скором приезде Клеменцев в Швейцарию, Лазарев в конце июня писал: «Что слышно про Дмитрия Александровича и Елизавету Николаевну? Здоровы ли они и как дети? Я часто прохожу мимо их квартиры. Стоит по-преж-

нему благополучно» [3, Л. 35]. Спустя два месяца он же интересовался у жены о состоянии здоровья Клеменца и спрашивал, когда тот планирует отъезд в Россию [11, Л. 87]. Казалось бы, ответные письма из Божии не несли в себе какого-либо тревожного содержания. В том же августе Христофоров писал Лазареву: «Дмитрий Александрович во всём молодцом, но сердце пошаливает». В конце месяца в более подробном письме он также писал: «Клеменцы проживут в Божии весь сентябрь. Бедный Дмитрий Александрович страдает припадками сердцебиения. Немецкий санаторий мало ему помог, и кажется, что ему придётся оставить свою прежнюю должность, при теперешнем его состоянии для него непосильную, изыскивать себе какое-нибудь иное амплуа, более лёгкое и в климате более благоприятном» [4, Л. 15а]. Между тем тревожные ощущения стали всё чаще появляться в письмах Лазарева. В конце лета он пишет жене о встрече с прислугой Клеменцев, которая была сильно обеспокоена его долгим отсутствием и даже слухами о его смерти. В том же письме он встревоженно пишет: «За долго до этого мне пришлось говорить с одним приятелем Дмитрия. Он тоже выразил опасение, что он на этом месте совсем доконает себя, что тут нужен энергичный надзор и умение разбираться в людях и их действиях, а он сильно развинтился, поэтому его дружеское мнение — уйти в отставку вовремя, пока отношения с разными лицами не обострились, получить пенсию и по возможности уехать жить не в Питер, а в деревню или за границу». Далее в письме Лазарев прагматично отмечает: «Ты покажи это письмо Дмитрию, и в самом деле пусть хорошенько всё обдумает. А главное, сообразит своё материальное положение: лучше скромно жить да на покой. А то ведь при одной мысли, что придётся ехать в пыль вечного этнографического хлама, можно потерять всё, что на лето нагулял. Как не верти, а нашему брату уже от смерти недалеко. Сил прежних уже нет, так больше по инерции копошимся» [4, Л. 22]. Реакция друзей на проблемы со здоровьем Клеменца демонстрирует глубокую эмпатию и искреннюю заботу о его самочувствии. Кроме того, мы видим, что затянувшийся отпуск Клеменца не остался без внимания его соперников, преимущественно не научного, а номенклатурного характера.

Первое действительно тревожное сообщение приходит к Лазареву 17 сентября от Ольги Фоновой, которая пишет о внезапном заболевании Елизаветы Клеменц (тяжёлая уремия), поразившем её в начале месяца: «...в этот день Елизавету Николаевну Клеменц нашли утром (после кофе) на полу в своей комнате без сознания, прибежали за мной, я, конечно, пошла, и начались мытарства мои, т.е. хождение два раза в день к ней... Три дня она была совершенно без сознания, но мало-помалу сознание стало к ней возвращаться, и в настоящее время она говорит почти совсем сознательно» [6, Л. 1]. Практически сразу по получении этого письма Лазарев пишет письмо к жене. В этом продолжительном и эмоциональном послании он выразил весь спектр чувств и переживаний по поводу решения этого дела. Как ни странно, письмо он начинает с критической оценки административных способностей Клеменца. Суть этих замечаний сводилась к тому, что Клеменц, будучи осведомлённым в музейном деле учёным и добросовестным человеком, идеально подходил для своей роли, что ценили даже в высших кругах власти, несмотря на его неблагонадёжное прошлое. Однако его старость и болезнь мешали справляться с требующим энергии и строгого руководства сложным делом. Лазарев критикует Клеменца за то, что он не сумел подобрать надёжных помощников и обеспечить контроль, что привело к интригам среди подчинённых и их нелояльности, усугублённой его чрезмерной щепетильностью и недостатком твёрдости. Развивая тему, Лазарев переходит к личностным оценкам рабочего окружения Клеменца. И первое же отрицательное высказывание адресуется им к Могилянскому: «Таким услужливым оказался Могилянский. Он стал замечать или привлекать на свою сторону других служащих и против Дмитрия, норовя попасть на его место». Не менее жёсткой обструкции Лазарев подвергает и «некого» Миллера. В частности, он пишет: «Тут на сцену выдвигается некто Миллер, хлыщ, светский болтун, знающий говорить нужные комплименты кавалерам и дамам на чистом парижском жаргоне. Он быстро овладева-

ет гостиними высокопоставленных лиц и, таким образом, получает возможность вершить дела до гостиней, казалось бы, не относящихся. Фактически он теперь господин музея... Сторонники теперь чувствуют себя безнадзорными, осиротелыми и чувствуют, что вся сила в музейном привратнике Миллере». Резюмируя своё отношение к происходящему, Лазарев выражает трезвый и наиболее рациональный выход из сложившейся ситуации. По его мнению, с учётом крайне болезненного состояния обоих супругов единственным верным решением должна стать почётная отставка и назначение достойной пенсии: «Вот почему мне кажется выгоднее напрячь все силы, чтобы с честью выйти из этого критического положения и обеспечить своё материальное существование пенсией, которая будет тем больше, чем добровольнее он уступит своё место жаждущим движения воды¹». Завершая письмо, Лазарев подчёркивает, что он не только заинтересован в положительном итоге, но и хорошо осведомлён в происходящем: «Всё это я знаю от лиц, совершенно посторонних музею, но хорошо осведомлённых во всём, что творится за кулисами» [11, Л. 89–89об]. На первый взгляд, приведённые материалы подтверждают мнение историков, видевших в Могилянском прямого «виновника» и главного бенефициара отставки Клеменца. Кроме того, на сцену была выдвинута фигура Миллера, под которой автор письма имеет в виду Александра Александровича Миллера — бывшего офицера, художника, этнографа, археолога, учившегося в Париже и с 1907 г. работавшего в антропологическом отделе Русского музея. Оставляем это суждение открытым и в дополнение отметим, что в письме Лазарев также называет имя одного из немногих сторонников Клеменца в музее — Бруно Фридриховича Адлера — видного этнографа и географа. Чуть более осторожную оценку Лазарев даёт ещё одному сотруднику музея Алексею Алексеевичу Макаренко — народнику, этнографу, фольклористу, который в силу излишней «щепетильности» не позволял себе «доносить» Клеменцу сведения о закулисных интригах в музее. Всё это говорит нам о том, что Клеменц не был лишён поддержки, исходившей не только от друзей, но и видных представителей научной мысли России. Кроме того, как показали дальнейшие события, прямое участие в его судьбе приняли и крупные общественно-политические деятели. Так, ключевую роль в отставке сыграл граф Дмитрий Иванович Толстой, товарищ управляющего Русским музеем, фактически руководивший его делами вместо Великого Князя Георгия Михайловича. В конце сентября — начале октября Лазарев, понимая сложность сложившейся ситуации, обратился к Толстому за поддержкой. О начале взаимоотношений с ним он несколько раз сообщает в письмах в Божю. Своей основной целью он видит сохранение материального обеспечения семьи Клеменца в виде назначения ему достойной пенсии. Как мы уже отмечали ранее, вопрос о пенсии был поднят им практически сразу после начала всех событий. Суть проблемы сводилась к тому, что он мог быть решён только на высшем уровне, и основным условием для положительного исхода могла стать только добровольная отставка Клеменца. Непосредственное участие Лазарева в деле отставки определилось также уже в начале развернувшихся событий. В постскриптумах письма к жене от 20 октября он пишет: «Сегодня был у меня Могилянский. Неожиданно для себя я стал для всех *persona grata*². Я написал Дмитрию Ивановичу, что приеду к нему только с определёнными результатами в руках, т.е. после ответа от Дмитрия. И вот — жду» [11, Л. 94–94об].

Однако, казалось бы, удачно складывающуюся ситуацию осложняли сразу два обстоятельства. Во-первых, категорическое намерение Клеменца, несмотря на тяжёлое физическое состояние, приехать в Санкт-Петербург, чтобы лично препятствовать отставке. В письме к Лазареву, отправленном ещё в августе, Клеменц, не высказывая лишних отрицательных эпитетов по отношению к Могилянскому и Миллеру, писал: «Прочитав твоё письмо к Юлии Александровне, где пишется на счёт меня, и присланное тобой ко мне, я уз-

¹ (библ.): люди ожидающие исцеления от воды в иерусалимской купели Вифезда.

² (лат.): желательное лицо.

наю, что против меня поднята интрига Н.М. Могилянским и А.А. Миллером. О Могилянском я знаю давно, года три тому назад, а Миллер — это совсем новый партнёр. Чего же они делают? Выставить меня в отставку, а где причины? Если каждый год уезжаю в отпуск, то ведь это было известно, что я каждый год уезжаю на отдых? Знали, что за мной работа не пропадёт, думаю, что прежде всего нужно закрепить и иметь возможность доказать, что господа, упомянутые тобой, действительно давали обо мне скверные³ отзывы. Мне, разумеется, наплевать на сплетни, но мне жаль бросить дело. Я вовсе не евангельский расслабленный⁴, и вся эта кампания знает, что я могу работать. Долго теперь за границей не пробуду» [12, Л. 14, 15].

Вторым отягчающим обстоятельством могло стать политическое прошлое Клеменца, которое позволяло дискредитировать его имидж. Особенные опасения у Лазарева вызывала фигура лидера черносотенцев Владимира Митрофановича Пуришкевича, известного своими скандальными выступлениями против представителей царской оппозиции. В письме к Клеменцу он пишет об этом: «Я имею основания думать, что сделаны были уже шаги, дабы удаление тебя объяснялось несовместимостью по нынешним временам занятия такого видного поста с наличностью твоего политического прошлого. Дело не дошло до вмешательства господина Пуришкевича, быть может, потому что вмешался я. Так что, если говорить об интригах, то они были более гнусны, чем ты можешь предполагать» [15, с. 108–109]. Позже, в конце 1909 г., Лазарев писал о благополучном стечении этих обстоятельств: «...кроме этого, я получил ещё письмо от Дмитрия, где он снова торопит с отставкой. Скажи ему, что политический шантаж теперь оказался холостым зарядом... Задумано было хорошо и своевременно, но и на старуху бывает проруха. Теперь на это мода. Пуришкевич выступает в нужный момент всюду, где требуется устроить открытый скандал» [12, Л. 18об].

В таких условиях добровольный выход Клеменца в отставку являлся единственным и наилучшим выходом из ситуации. В октябре Лазарев подробно информировал жену о происходящих событиях: «Отставка принципиально решена. Друзья Дмитрия ввиду этого настаивают, чтобы её сделать добровольной, т.е. чтобы Дмитрий сам это сделал, сам подал в отставку, не дожидаясь увольнения. Этим он сохранит свой престиж и авторитет. Сам Толстой считает, что так следует сделать, и поэтому просил Могилянского, чтобы он съездил за границу и через друзей или сам прямо посоветовал это Дмитрию. Пока я не знаю, сказал ли это Могилянский Дмитрию. Может быть, он, боясь за сердце Дмитрия, сказал Елизавете Николаевне? Возникают сомнения, говорил ли Могилянский — это Дмитрию». Говоря о позиции Толстого, он добавляет, что тот желает добиться для Клеменца «полной пенсии, ввиду потери здоровья на службе» и плавной отставки в течение трёх месяцев. В письме он также делает для нас важное дополнение: «Могилянский, мне кажется, не формальный подлец, а просто не поступал так, как должен был бы порядочный человек, не по-товарищески. Его положение, независимо от его воли, щекотливое. Всё идёт к тому, что он займёт место Дмитрия, и поэтому он чувствует себя в этом кризисе в сложном положении» [3, Л. 39–39об]. Ранее в октябре Могилянский посетил Клеменца за границей, однако поручение, как и опасался Лазарев, было выполнено не напрямую, а через Елизавету Николаевну, которой Могилянский вручил письмо об отставке для мужа. Таким образом, образовалась более чем двойственная ситуация, о которой писала жена Лазарева: «Дело в том, что Елизавета Николаевна знает, что отставка его уже решена в Петербурге, но он об этом не знает, да и слышать не хочет о том, что его могут попросить освободить занимаемое место. ...Дмитрий Александрович всё скрывает от Елизаветы Николаевны, а она скрывает от него, и вот идёт игра в прятки».

³ (устар.): отвратительный, плохой.

⁴ (биб.): больной и неподвижный человек исцелённый Христом в Иерусалиме.

Лишь к концу месяца между супругами образовалась ясность, чему способствовали письма Лазарева и Толстого. Так, из письма от Юлии Лакиер мы узнаём позицию Клеменца, считавшего себя «удалым молодцом» и не желающего уходить добровольно. Кроме того, уже обоим супругам категорически не устраивала первоначальная сумма ежегодной пенсии в размере 1200 рублей [3, Л. 32–32об].

Зная теперь о том, что пенсия будет, по всей видимости, точно назначена, Лазарев предпринял все меры для решения финансового вопроса. Для этого ему потребовалось добиться от Клеменца составления максимально полного списка своих экспедиций и количества лет, отданных государственной службе. О составлении такого списка Лазарев просил его ещё в октябре. В уже отмеченном нами письме выше Клеменц писал о своих заслугах следующее: «Службы у меня в Министерстве двора 7 лет. В Академии с 1897 года до 1902 года — всего 12 лет. В случае если бы мне зачислили Орхонскую экспедицию 1891 года и 5 лет в Монголии, то тогда прибавится ещё несколько годов — всего 18 лет» [12, Л. 14об]. Предпринятые усилия полностью себя оправдали. 27 ноября Лазарев писал жене, что размер пенсии определяется уже 2000 рублей в год, и единственным препятствием для благополучного завершения дела могли стать лишь спонтанные действия самого Клеменца, по-прежнему порывавшегося приехать в Санкт-Петербург. Успокаивая друга, он настоятельно советует ему оставаться до весны за границей [3, Л. 50]. Лишь в середине ноября Клеменц отправляет Толстому прошение об отставке, о чём сообщает Лазареву. К концу месяца обстановка в доме Лазаревых заметно улучшилась. В гости к Елизавете Николаевне приехали родственники из Сибири, а сам Дмитрий Александрович, освободившийся от лишних переживаний, погрузился в научную работу. К концу декабря дело наконец-то подходит к своему благополучному завершению. Последним штрихом стала письменная рекомендация Клеменца претендентов на своё место, отправленная им Толстому, среди которых первым значилась фамилия Могилянского [12, Л. 21–21об].

Боясь, что друг всё-таки без предупреждения внезапно приедет в столицу, Лазарев хлопотет о том, чтобы сохранить за ним его служебную квартиру и заранее предупреждает научное и административное общество о том, что возвращение Клеменца в столицу теперь является лишь житейской необходимостью. Очевидно, что хлопоты Лазарева, связанные с отставкой Клеменца, заметно тяготили его, вызывая душевное беспокойство и эмоциональное напряжение. Однако стоит отметить, что среди всех писем между друзьями за 1909–1910 гг. какое-либо открытое недовольство в виде нелестных высказываний отсутствует. Ощущение внутреннего напряжения Лазарева проскальзывает между строк в переписке. Возможно, что некоторая досада Лазарева на Клеменца, вероятно, проистекала не столько из его личных трудностей в Петербурге, сколько из-за собственных семейных неурядиц, вызванных напряжёнными отношениями с женой, которая порой могла выражать своё недовольство.

Например, ей не совсем нравилось поведение избалованного приёмными родителями Григория или даже самого Дмитрия Александровича, который предпочитал вставать с постели к завтраку далеко за полдень. Однако отметим, что такие проявления были типичны для обычных семейных разногласий, свойственных многим домам. Нельзя забывать, что в тот период Лазарев находился в размолвке с супругой, а Клеменц, гостивший в их доме в Швейцарии с собственными проблемами, невольно усиливал общее эмоциональное напряжение, передававшееся через переписку. Ещё в сентябре Ольга Фонова писала Лазареву: «Юлию Александровну я нашла сильно переутомлённой хозяйством (ведь 4 человека лишних!) так и болезнью Елизаветы Николаевны, т.е. переутомлённой физически и нравственно» [6, Л. 2об]. Очевидно, что к концу ноября отношения между супругами Лазаревыми и без того обострившиеся с момента отъезда Егора Егоровича в Россию достигли кульминации. Что бы разрядить напряжённость Лазарев пишет жене письмо, в ко-

тором пытается объяснить своё отношение к происходящему с позиции человека знавшего Клеменца по своей революционной юности, которая стала фундаментом их дружбы. В частности, он пишет ей: «Дорогая. Ты вероятно — если не сердись, то всё же истолковываешь в предосудительном для меня смысле, что я уделяю столько времени и места инциденту с Дмитрием Александровичем и свиданиям с графом по этому инциденту, как бы не интересуюсь несколько ни твоим положением, ни судьбой хозяйства. Если это верно, то ты ошибаешься. Но по несчастью моя психика так уж искалечена, что я не могу быть самим собой тем, что есть, что чувствую, когда приходится говорить о том, что меня интересует, что занимает, о чём хочется знать». Завершая сказанное, он также просит свою супругу не только понять себя, но и задаёт ей прямой вопрос готова ли она будет принять его в Божии обстоятельства потребуют его внезапного отъезда из России [3, Л. 35]. К сожалению, мы не обладаем конкретным ответом Юлии Лакиер на это послание, но из контекста всей дальнейшей переписки супругов за 1909–1910 гг. становится ясно, что ответ был положительный. Более того, предвосхищая события, скажем, что летом 1910 г. свой отпуск Лазарев проведёт с семьёй в Швейцарии вновь обретая семейное благополучие. Поэтому, суммируя сказанное отметим, что, пожалуй, лучшим подарком к новому 1910 г. для Лазарева стало письмо Клеменца, отправленное ему 19 декабря, из которого мы узнаём, что он окончательно смирился с отставкой и собирается приехать в Петербург, как только получит вызов от Толстого. В его окончании он пишет: «Мы приедем с Лизой вдвоём, и там решим, как устроиться и где. Теперь здесь живут сёстры Елизаветы Николаевны, на них можно оставить детей. Ну, будь здоров и до свидания. Крепко жму твою лапу. Твой Дмитрий» [2, Л. 7].

Наступивший 1910 г. окончательно разрешил дело об отставке Клеменца, завершив период неопределённости, вызванный его ухудшающимся здоровьем, административными трудностями и интригами соперников. В начале января 1910 г. жена кратко писала Лазареву о том, что супруги Клеменцы 6 января выехали на поезде в Санкт-Петербург, оставив детей на попечение приехавших родственников в Швейцарию. В ответ ей 31 января Лазарев сообщает, что Клеменцы находятся ещё в столице, но они в принципе могут уже ехать за детьми обратно. 24 марта жена сообщала Лазареву информацию, которая, по всей видимости, не являлась для него новостью: «Сегодня сестра мадам Клеменц читала мне её письмо, где говорится, что пенсия назначена в 2000 рублей и отставка с чином действительно статского советника» [3, Л. 59об]. Судя по всему, последняя личная встреча Клеменца и Лазарева произошла зимой 1910 г. После отставки супруги Клеменцы переедут жить в Москву, где останутся до конца жизни. 16 декабря 1910 г. Елизавета Клеменц писала поздравительную открытку уже из Москвы в Божии к Юлии Лакиер: «Поздравляем дорогую Юлию Александровну со всеми домочадцами и желаем весело провести праздники. Дмитрий, Елизавета, Маруся, Гриша» [2, Л. 10].

В свои последние годы жизни Клеменц по мере сил продолжал заниматься наукой и написанием своих воспоминаний. Новые условия жизни изменили формат общения между друзьями. Арестованный в конце 1910 г. в Санкт-Петербурге по формальному поводу в причастности к студенческим волнениям, вызванным смертью Л.Н. Толстого, Лазарев будет осуждён на высылку в Сибирь, которая была в последний момент заменена депортацией за границу. Их общение продолжится только в переписке, которая станет заметно реже. В предисловии к изданному в 1925 г. воспоминаниям Клеменца близкий к его семье старый народник И.И. Попов писал о том, что последние годы были омрачены ещё большим ухудшением здоровья. Он же сообщает нам, что накануне января 1914 г. Клеменц тяжело заболел воспалением лёгких. С не вынесшей происходящего Елизаветой Николаевной случился удар. 4 января 1914 г. она скончалась, а 8 января в день похорон супруги не стало и Дмитрия Александровича [9, с. 61–62]. Эта новость быстро достигла и Лазарева. 12 января 1914 г. он писал в Москву старой народнице В.Д. Лебедевой: «Дорогая, ми-

лая Вера Дмитриевна! Что это за ужас творится?! Елизавета Николаевна умерла. Сейчас телеграмму получил, Дмитрий Александрович скончался. Александр Васильевич Геденовский — спасибо ему — известил. Просил я его венок от нашей семьи положить. Если успеет, скажите, сколько ему прислать. Голова кругом идёт, холодная волна по Европе смерть разносит... Боже, ребятки как? Маруся, Гриша? Приехала ли мать?» [1, Л. 1об.]. Трепетное отношение к памяти о друге и его близких Лазарев сохранил до конца жизни. Находясь уже в своей последней эмиграции в Чехии, Лазарев в 1936 г. получил несколько писем из Белграда от приёмной дочери Клеменца Марии Владимировны (в замужестве Тамиловой). Она сообщала Лазареву о своей судьбе и судьбе брата Григория, оставшегося после 1920 г. в Советской России и пропавшего без вести. Несмотря на преклонный возраст и собственное непростое материальное положение, Лазарев выслал ей письмом 100 чешских крон и обещал поддержку от своих друзей в Югославии [5, Л. 1].

ВЫВОДЫ. Представленные материалы дают нам возможность чётко выстроить хронологию событий и определить их ключевых участников в этой истории. В связи с этим можно уверенно подтвердить предположение российских исследователей о преувеличенно-негативной роли Могилянского в деле отставки. Очевидно, что Клеменц никогда не позволил бы себе рекомендовать в качестве преемника Могилянского, зная о том, что он является не только плохим научным специалистом, но и морально недостойным человеком. Также понятно, что уход на пенсию Клеменца стал закономерным событием в его жизни в связи с его невозможностью исполнять свои административные обязанности. Это не отрицает факта того, что вокруг дела происходила закулисная борьба за освобождающееся место, поскольку отсутствие недоброжелателей в кругу такого уровня представляется маловероятным. Фактически инициаторами отставки стали друзья Клеменца, искренне беспокоящиеся о его дальнейшем благополучии. Всё это говорит нам о том, что революционная среда российского народничества строила свои внутренние связи не только отталкиваясь от политических убеждений, но и от товарищеских отношений. Несмотря на то, что Клеменц, в отличие от Лазарева, вышел из активной революционной борьбы, его участие в процессе формирования уже неонароднического поколения несомненно. Именно воззрения Клеменца, находившегося в сибирской ссылке, оказали влияние на молодого А.А. Аргунова, ставшего в последующем лидером Северного союза партии эсеров [13, с. 51]. В 1903 г. Клеменц в своих письмах несколько раз делился с Лазаревым своими критическими мыслями о сущности современного марксизма, необходимыми ему для противостояния с социал-демократами в дискуссиях.

На наш взгляд, необходимо отметить и ещё один важный момент. Как мы уже отмечали выше, партийное состояние эсеров после Первой российской революции переживало тяжёлый кризис. Такие видные однопартийцы Лазарева, как Екатерина Брешковская или Осип Минор, находились под следствием, которое обернулось для них многолетней сибирской ссылкой. Находясь в Петербурге, Лазарев, который тоже мог быть в любой момент подвергнут репрессиям, продолжал участвовать в политической жизни партии, оказывая своим соратникам информационную и материальную помощь. При этом его участие не ограничивалось только действующими эсерами и в равной степени распространялось на отошедших от партии членов, как, например, на Н.В. Чайковского или Алексея Милошевского. За счёт сведений, передаваемых Лазаревым за границу, продолжал работу и Божийский неформально-политический центр. Возможно, что именно благодаря тому, что Клеменц в 1909 г. оказался не только в гостях у семьи Лазаревых, но и на территории Божийского центра, вопрос о его отставке сложился более чем удачно.

В заключение отметим, что исследование истории отставки Дмитрия Клеменца заметно обогащает наше представление о взаимоотношениях представителей старого народничества в России и за границей. Решение покинуть Русский музей в 1910 г. было не просто

реакцией Клеменца на интриги недоброжелателей, а осознанным шагом, ставшим возможным благодаря друзьям и близким. Эпистолярное наследие всех героев данной истории не исчерпывается лишь одной темой отставки, что ещё раз заставляет нас думать о продолжении исследований в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 20.
2. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 121.
3. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162.
4. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 177.
5. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 294.
6. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 298.
7. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц — революционер, учёный, публицист. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 172 с.
8. Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М.: РОССПЭН, 2017. 462 с.
9. Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания / с вступ. ст. И.И. Попова: Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность. Л.: Колос, 1925. 180 с.
10. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 695 с.
11. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26.
12. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 51.
13. Трухин М.Д. Социалисты-революционеры / Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 3. С. 18–202.
14. Трухин М.Д., Примаков Д.В. Взаимоотношения О.К. Фоновой со старыми народниками и членами партии эсеров в России и эмиграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 32–44.
15. Фёдорова В.И. Революционный народник, учёный и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та 1988. 175 с.

REFERENCES

1. ARAN. F. 543. Op. 10. D. 20. (In Russian).
2. GA RF. F. P-5824. Op. 2. D. 121. (In Russian).
3. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 162. (In Russian).
4. GA RF. F. P-5824. Op. 2. D. 177. (In Russian).
5. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 294. (In Russian).
6. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 298. (In Russian).
7. Goldfarb S.I. D.A. *Klemenc — revolyucioner, uchyonyj, publicist* [D.A. Klements — Revolutionary, Scientist, Publicist.]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1986. 172 s. (In Russian).
8. *Vlast i obshchestvo v Pervoj rossijskoj revolyucii 1905–1907 gg.: dokumentalnye svidetel'stva* [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905–1907: documentary evidence]. M.: ROSSPEN, 2017. 462 s. (In Russian).
9. Klemenc D.A. *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the Past. Memoirs]/ s vstup. st. I.I. Popova: D.A. Klemenc. Ego zhizn i deyatelnost. L.: Kolos, 1925. 180 s. (In Russian).
10. Milevskij O.A., Panchenko A.B. «*Bespokojnyj Klemenc*»: *Opyt intellektualnoj biografii* [“Restless Klements”: An Intellectual Biography]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. 695 s. (In Russian).
11. RGASPI. F. 274. Op. 3. D. 26. (In Russian).
12. RGASPI. F. 274. Op. 3. D. 51. (In Russian).
13. Trukhin M.D. *Socialisty-revolucionery* [The Socialist-Revolutionaries] / *Politicheskie partii Rossii. Konec XIX — nachalo XX v.* M.: Politicheskaya enciklopediya, 2022. T. 3. S. 18–202. (In Russian).

14. Trukhin M.D., Primak D.V. *Vzaimootnosheniya O.K. Fonovoj so starymi narodnikkami i chlenami partii eserov v Rossii i emigracii* [O.K. Fonova's relations with the old narodniks and members of the socialist revolutionary party in Russia and in emigration] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki. 2023. № 3. S. 32-44. (In Russian).
15. Fyodorova V.I. *Revolucionnyj narodnik, uchyonyj i prosvetitel D.A. Klemenc* [Revolutionary Populist, Scientist and Educator D.A. Klements]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1988. 175 s. (In Russian)